

г. Ивано-Франковск
Тереховская А. В.
(доцент кафедры мировой литературы
Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника)

Н. В. Гоголь в борьбе за журнальную трибуну
(приложение к письму Н. В. Гоголя к П. А. Плетневу от 4 декабря 1846 г.
«О «Современнике» как литературный манифест)

Одна из особенностей развития русской литературы XIX века заключается в том, что оно, особенно в 1830-1880-е годы, было теснейшим образом связано с развитием журналистики. Изучение русского литературного процесса в XIX веке невозможно без ясного представления о крупнейших журналах эпохи, их позиции в вопросах общественной жизни, их беллетристики и литературной критики. В 1830-1880-х годах крупнейшие журналы были литературными центрами, они стремились объединять вокруг себя близких по идейно-художественным целям писателей, направляли их творчество, порою даже выступали в качестве организаторов литературных школ. По словам Н. В. Гоголя: «Журнальная литература, это живая, свежая, говорливая, чуткая литература, так же необходима в области наук и художеств, как пути сообщения для государства, как ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочает вкусом толпы, обращает и пускает в ход все выходящее наружу в книжном мире...<...> Ее голос есть верный представитель мнений целой эпохи и века...<...> Итак, журнальная литература во всяком случае имеет право требовать самого пристального внимания» [2; 140]. Приведенная из статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» цитата в достаточной степени ярко раскрывает как место и роль журналистики в литературном процессе середины 1830-х годов, так и внутреннее стремление писателей быть востребованными журналами, быть включенными в сложный и насыщенный журнально-литературный процесс.

Впрочем, дело было не только в литературных вопросах. В силу особенностей русской жизни ведущие журналы становились центрами общественно-политической жизни. Н. К. Михайловский был совершенно прав,

когда писал: «Европейские энциклопедические журналы, действительно, не имеют того руководящего значения, какое имели и имеют или могут иметь наши «толстые» ежемесячники. Но это зависит от разницы в условиях нашей и европейской жизни...» [4; 178].

Убедительно подтверждает справедливость вышеприведенных суждений и история «Отечественных записок» времен Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. По существу, они были той «партией народа в литературе», о появлении которой так мечтал Н. А. Добролюбов. Разумеется, в те времена понятие «партия» отличалось от современного, но и тогда оно обязательно включало в себя сознательное, целеустремленное служение известным идеалам, убежденное отстаивание своих позиций и решительную борьбу с идейными врагами. Именно в этом смысле писал М. Е. Салтыков-Щедрин в 1881 году: «...я не только литератор, но и журналист, человек партии [7; 228].

Не случайно и деятели противоположного лагеря воспринимали «Отечественные записки» и некоторые другие органы печати как центры своеобразных партий. Так, цензор Ф. Еленев писал в 1896 году в брошюре, изданной только для служебного пользования: «У нас, где на самом деле не существует никаких партий и не допускается никакая оппозиция правительству, существовала оппозиция гораздо более обширная, чем в каком бы то ни было конституционном государстве, оппозиция, захватившая в свои сети всю читающую Россию и доходившая в некоторых изданиях до отрицания государственной власти и частной собственности... В России, взамен западноевропейских партий, образовались партии «Современника, «Русского слова», «Голоса», «Отечественных записок» и т.д.)*

Все вышеизложенное дает представление о том, насколько сильным было желание писателей принимать самое активное участие не просто в литературной, но именно в журнальной борьбе своего времени.

*См.: Теплинский М. В. Профессия: литературовед. – Ивано-Франковск., 2007. – С.14.

Совершенно не удивительно, что в 1830-1840-годы в активном поиске журнального сотрудничества пребывал и Н. В. Гоголь, тем более, что по его же словам «...современная журнальная литература нуждалась в оживлении...» [2; 140].

В свое время Н. В. Гоголь надеялся стать по сути идеологом пушкинского «Современника». Одну из главных задач журнала Гоголь, как и Пушкин, видел в противодействии периодическим изданиям Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского. В уже упомянутой статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», которая содержала смелую характеристику журнальной периодики и отличалась «резким и благородным тоном» (В. Г. Белинский), обилие конкретных фактов и характеристик подчинено главной связующей мысли – о важном значении журнала в современную эпоху и высокой миссии журнальной критики. Оценивая состояние отечественной журналистики, Гоголь выносит ей суровый приговор. Главным объектом его критики становится «торговое» направление в журнальной литературе, которое утвердилось благодаря изданию «Библиотеки для чтения» Сенковского и «Северной пчелы» Булгарина. Гоголь подверг тщательному разбору все отделы «Библиотеки для чтения», указывая на редакторское своеволие Сенковского, «дух нетерпимости», произвольность и изменчивость критических приговоров.

Как известно, статья Гоголя «наделала большого шума в литературе и произвела очень благоприятное впечатление на публику» [6; 141]. С сочувствием она была встречена Белинским, откликнувшимся рецензией на первую книжку «Современника». Тем не менее, Пушкин не принял максимализма Гоголя, и, как известно, из дипломатических соображений поместил в третьем томе «Современника» написанное им самим «Письмо к издателю», чтобы смягчить наиболее резкие суждения Гоголя-критика. Впрочем, как утверждает Н. И. Мордовченко, «...Пушкин возражал Гоголю по частным вопросам, но главных его обвинений против Сенковского не

опровергал» [5; 253]. Гоголь, судя по всему, истолковал сей жест Пушкина по-иному, так как именно с этого момента в отношениях Гоголя и Пушкина появились некоторые сложности, оставившие печать взаимного недоверия и затаенной обиды (по крайней мере, у Гоголя точно). Только так можно объяснить суждения Гоголя, высказанные в приложении к письму Плетневу от 4 декабря 1846 г «О «Современнике», в котором он, называя «Современник» плохим журналом (речь идет о «Современнике» Плетнева), отмечает, между прочим, что «Современник даже и при Пушкине не был тем, чем должен быть журнал, несмотря на то, что Пушкин задал себе цель более положительную и близкую к исполнению» [2; 392]. Сомнительно также, что Гоголь был достаточно объективен, утверждая, «что сильного желанья издавать этот журнал в нем (Пушкине) не было, и он сам не ожидал от него большой пользы» [2; 392]. Гоголь также отчаянно убеждал своего корреспондента, что только ему одному удалось уговорить Пушкина осуществить издание. Между тем, история публикации статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» показала, что Пушкин не увидел в Гоголе «верного сотрудника» и единомышленника. Пушкин, как видим, прозрачно намекнул, что они с Гоголем стоят на разных литературно-журнальных позициях.

И все же сама по себе мысль об активном участии в истории русской литературы и журналистики Гоголя не оставляла. В силу ряда причин этого не случилось. Как бы то ни было, а «своего» журнала у него так и не было.

Показательным в этом отношении является тот факт, что в отличие от практики второй половины XIX века Гоголь крупнейшие свои произведения сразу печатал отдельными изданиями, а предшествующих журнальных публикаций не было («Ревизор», «Мертвые души», «Выбранные места из переписки с друзьями»), тогда как И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Лев Толстой публиковались сначала в журналах. Вспомним, к примеру, названия журналов, в которых сотрудничал И. С. Тургенев: «Современник», «Русское слово», «Вестник Европы». Уже этот журнальный

перечень дает отчетливое представление о философско-эстетической эволюции автора «Отцов и детей».

О том, насколько вскоре возрастет значение журналистики, Гоголь еще не знал, но, кажется, предчувствовал или догадывался. Вот почему ему так хотелось сыграть ведущую роль в каком-либо журнале, определять не только его направление, но и, быть может, направление всей русской литературы. С пушкинским «Современником» это не получилось. Впрочем, не получилось и у самого Пушкина. Достаточно вспомнить, как падали тиражи: первый номер «Современника» был напечатан в количестве 1200 экз., второй – 900, потом – 600. А потом Пушкина не стало.

Между тем, Гоголь, находясь за границей, продолжает внимательно и заинтересованно следить за русскими журналами. Его сотрудничества домогались редакторы разных журналов: Погодин мечтал привлечь Гоголя в «Москвитянин», Плетнев – в «Современник». Гоголь же прекрасно понимал, что журналы эти никак не могли бы стать его трибуной. «Москвитянин» (пока не пришла туда так называемая «молодая редакция» явно дышал на ладан; Гоголь летом 1846 г. писал Языкову, что «...уже предвидел это с самого начала» [3; 214].

Оставался «Современник». Как уже упоминалась, 4 декабря 1846 г. Гоголь послал Плетневу большую статью (как приложение к письму), чрезвычайно важную не только как выражение литературно-критической позиции писателя, но и как неприкрытое желание оживить журнал, связанный в его памяти со священным именем Пушкина. Гоголь даже хотел, чтобы эта статья была поставлена первой в первом же номере журнала за 1847 год: «...письмо мое поставь первой статьей, в виде программы или вступленья в самую книгу. <...> дай его прочесть всем тем, от которых ты пожелал бы иметь статью» [3; 400]. Именно так он оценивал значение своей статьи.

Увы, но вскоре Гоголю стало известно, что Плетнев сдал свое издание в аренду. 8 декабря 1846 г. Гоголь пишет Плетневу из Неаполя: «От Шевырева я, между прочим, узнал новость, о которой ты меня совсем не известил, а именно,

что «Современник» уже не в твоих руках, а перешел в руки к Никитенку, Белинскому и Тургеневу. А я послал (ничего об этом не ведая) на прошлой неделе тебе статью о «Современнике», которую ты, вероятно, имеешь уже в руках и прочел. Не смею теперь никаких сделать тебе замечаний: они могут быть и ошибочны, и некстати» [3; 282]. Заметим попутно, что имя Некрасова не упоминается: очевидно, в те времена он еще не воспринимался как сколько-нибудь значительная фигура.

Между тем, что означал «Современник», перешедший к Некрасову, в истории русской литературы и общественной мысли, хорошо известно. Однако молодые литераторы даже и не предполагали пригласить Гоголя к участию в своем журнале, да и Гоголь к ним вряд ли пошел бы. Так и не появилось у него своей журнальной трибуны. А так хотелось...

Наконец, мы подошли к кульминационному моменту – необходимости уяснить, каким Гоголь хотел видеть современный литературный журнал вообще и «Современник» в частности, в чем он усматривал значение журнальных изданий, каковы перспективы развития журнальной литературы. Все эти вопросы нашли свое освещение в статье «О «Современнике».

Прежде всего, обратимся к гоголевскому пониманию названия «Современник»: «Современник» тогда оправдывает данное ему название, когда он будет современен всем высшим минутам русского писателя и человека. Он тогда ближе приблизится к той цели, <...> когда соединит эстетическим союзом прекрасного братства всех пишущих!» [2; 400]. Очевидно, что Гоголь возлагал очень большие надежды на «Современник». Он хотел, чтобы писатель живо чувствовал и реагировал на все насущные общественные вопросы, чтобы страницы журнала стали местом непрерывного живого диалога между читателем и автором, чтобы в литературных произведениях, опубликованных на страницах журнала, читатель находил ответы на наиболее важные вопросы своего времени.

Обращает внимание настойчивое желание Гоголя отбросить от издания название «журнал» и вернуться к традициям альманахов: «Современник»

должен отбросить от себя название журнала; он должен сжаться по-прежнему в книги вместо листов и более еще, чем при Пушкине, походить на альманах <...> с периодичностью три раза в год» [2; 393]. Как видно, Гоголь отдает предпочтение не количественному, а качественному критерию печатаемого материала, настаивая на том, чтобы каждое новое издание было одновременно неожиданностью и подарком для читателя.

Немаловажное значение Гоголь придавал оформлению и тиражу издания: «Оно должно быть роскошно; оно должно быть во всех отношениях драгоценным подарком; печататься со всей возможной типографической роскошью, украситься лучшими гравюрами и виньетами... Меру книгам дай небольшую, <...> словом – чтобы и по достоинству и по виду издание походило на драгоценность» [2; 400]. Вышеприведенные суждения красноречиво свидетельствуют об эстетических пристрастиях Гоголя в вопросе формы. Количественный критерий и в отношении тиража Гоголь отбрасывает.

Необходимо отметить, что журнально-литературные воззрения Гоголя претерпели некоторую эволюцию. В статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (1836 г.) Гоголь в числе главных журнальных достоинств называл «животрепещущий характер», «свежесть» и «живость». Одна из последних статей – «О «Современнике» написана в 1846 г. Прошло 10 лет. Гоголь явно изменился и теперь решительно отказывается от желания «сообщить журнальную живость изданию». В 1846 г. он настаивал, что в обновленном «Современнике» все «собственно журнальное не должно иметь места; ни возвещения о новостях ежедневных, ни политические известия, <...> нужно, чтобы здесь ничто не поминало читателю о том, что есть какие-нибудь распри в литературе, и существует журнальная полемика» [2; 393]. Приведенный отрывок убедительно показывает, что перед нами уже несколько иной Гоголь: уже нет былого максимализма, нет резкости суждений, нет былой суетности. Он акцентирует внимание не на «временном», «минутном», что отвлекает и рассеивает внимание, а на «занятиях более сосредоточенных, <...> побуждающих человека взглянуть строго на самого себя, спросить с большей

отчетливостью свои силы и определить себе труд...». Изменения налицо. Можно даже предположить, что «новый» изменившийся Гоголь и издатель «Современника» 1830-х годов Пушкин теперь бы уже могли бы стать верными соратниками в журнально-издательских вопросах.

Однако вернемся к анализу статьи. Бросается в глаза тот факт, что в перечне писателей, произведения которых Гоголь хотел бы видеть на литературных страницах журнала, имена, которые ко второй половине 40-х годов XIX века (да, собственно, и раньше) не определяли основные тенденции развития русской литературы (граф Соллогуб, козак Луганский, Н. Павлов, Кулиш). В области поэзии Гоголь называл только три имени – В. А. Жуковского, князя П. А. Вяземского, и Языкова. никоим образом не ставя под сомнение историко-литературное значение творчества В. И. Даля (козака Луганского), Пантелеймона Кулиша или графа Соллогуба, никак не желая приуменьшить заслуг Жуковского и Вяземского перед отечественной поэзией, все же надо признать, что по популярности и реальному вкладу в современный литературный процесс они уступали молодым писателям формирующейся «натуральной школы». Достаточно вспомнить, что к 1846 году уже вышли сборники «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник» В. Г. Белинского, уже восторженно были встречены «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, повести И. С. Тургенева, новые стихи Н. А. Некрасова. Гоголь, как это ни удивительно, ничего этого как бы не видел. Особое недоумение вызывает тот факт, что все эти писатели и в первую очередь их литературный идеолог критик Белинский, именно Гоголя считали своим учителем. Вспомним хотя бы знаменитую фразу «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя». С творчеством Гоголя, с теми новыми началами, которые он внес в литературу, Белинский связывал ее будущее. С этих позиций в последние годы своей деятельности критик связывал эстетические принципы «натуральной школы»: «...между Гоголем и натуральной школой – целая бездна; но все-таки она идет от него, он отец ее, он не только дал ей форму, но и указал на содержание» [1; 461].

Почему Гоголь этого не видел, почему он оказался на обочине современного литературного процесса – однозначно ответить на этот вопрос невозможно. То ли длительное пребывание за границей, то ли внутренняя эволюция писателя, то ли моральная и физическая усталость уже не позволяли ему столь энергично, как в 1830-е годы, отслеживать все новые литературные веяния, интуитивно определяя их будущую жизненность.

Создается впечатление, что взгляд его направлен в прошлое, поэтому трудно предположить, в какой степени тот обновленный «Современник», программу которого он изложил в приложении к письму Плетневу, мог бы сыграть в истории русской журналистики и русской литературы ведущую роль.

Таким образом, можно предположить, что Гоголь так и не сумел пробить себе собственный журнальный путь по причине внутренней нерасположенности, даже, возможно, неспособности к журнально-издательской деятельности. Его «журнальные» воззрения несколько противоречивы и изменчивы, что, собственно, и не позволило ему стать журнальным идеологом и даже иметь собственную журнальную трибуну.

Литература:

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. – Т. 3. – М.: Художественная литература, 1977.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 6. Статьи. – М.: Художественная литература, 1978.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 7. Письма. – М.: Художественная литература, 1979.
4. Михайловский Н. К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. – Л., 1989.
5. Очерки по истории русской журналистики и критики: в 2-х т. – Т. 1. XVIII век и первая половина XIX века. – Л.: Издательство Ленинградского государственного ордена Ленина университета им. А. А. Жданова, 1950.
6. Панаев И. И. Литературные воспоминания. – М., 1950.
7. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. – Т.19. – М.: Художественная литература, 1977.
8. Теплинский М. В. Профессия: литературовед. – Ивано-Франковск., 2007.

